

Макс Неттлау

**Власть и свобода и их
вековечная борьба**

Многие из анархистов приходят в уныние от сознания незначительности влияния, оказываемого на общественную жизнь и мысль анархическим учением. В самом деле, бросается в глаза малочисленность людей, затронутых всегда усердной нашей пропагандой в сравнении с миллионами людей на земном шаре, испытывающих влияние чрезвычайно развитой и энергичной пропаганды, ведущейся посредством печати, с амвона, трибуны и другими способами в интересах капиталистов, милитаристов, священников, большевиков, социал-демократов; или просто увлекающей публику подражанию кричащей моде, кружащей ей голову сногшибательными галстуками, шляпами, какой-нибудь модной религией, или поисками тайн бытия.

Начиная с огромных Северо-Американских Соединенных Штатов, в которых обоготворяются богатства и успех их накопления, и вплоть до безграничного СССР, очевидно зачарованного благодеяниями, которые сулит спасительная марксистская диктатура возбужденным и помраченным умам, не считая нескольких нейтральных уголков и мест, — ни один из народов не восстановил умственного равновесия, нарушенного со времени 1914 года: все они находятся под властью правительств, маскирующихся или цинично обнаженных, подобно диктатуре Муссолини; словом, — везде господствует власть.

Более того, социалистические лейбористские партии, в настоящее время увеличившие свои ряды миллионами номинальных членов, являются активными участниками оргий власти: из рядов этих партий вышли не только большевистские узурпаторы, но и политики, возглавляющие правительства больших европейских стран: Бриан, Макдональд, Сноуден, Герман Мюллер, Гильфердинг, а также властители, являющиеся олицетворением высшей степени реакции — Муссолини и Пилсудский.

Можно ли в таком случае предполагать, что современное человечество бесповоротно встало на сторону власти и что современный пролетариат мыслит социализм в той или иной властнической форме, искусно или грубо навязываемой ему? И неужели не осталось никакой надежды на осуществление идеала свободы, получающего выражение в анархизме?

По моему глубокому убеждению, нельзя представлять дело в таком неприглядном свете. Происходящие события только ускоряют темп эволюции, вводящей нас вначале в период бесплодных конвульсий, в сфере которых (и кто знает в какой стадии?) мы очутились перед тем, как благодетельная революция снесет сор и расчистит путь для создания свободного общества. Этот конвульсивный кризис сорвет маски, откроет многим глаза, и они станут видеть более ясно, нежели прежде. А это уже само по себе большое достижение, и может иметь еще большее значение, если мы внимательно проанализируем совершающиеся события, сделаем правильные выводы и станем действовать в соответствии с ними.

Но для того, чтобы уяснить смысл сказанного и обосновать мои тезисы, мне придется коснуться прошлого и углубиться до самого корня некоторых вещей.

Молодая анархическая мысль, поскольку речь касается проблем практического применения свободы, воплощения анархизма в жизни, еще не сказала своего последнего слова. И это вполне естественно, ибо в данном случае приходится иметь дело с живым организмом. Кажущаяся устойчивость — путь к разложению и гибели.

Согласимся с тем, что власть первоначально находила себе оправдание в опыте и защите блага слабых; допустим, что свобода для слабого, например, новорожденного ребенка, при известных обстоятельствах, может быть равносильна оставлению его на произвол судьбы и смерти; представим себе, что благоразумное сотрудничество власти и свободы может иметь благотворные последствия, подобно заботливому уходу матери за беспомощным ребенком, или помощи ученику, оказываемой интеллигентным учителем; но из всего этого еще не следует делать заключения о том, что все эти исключительные случаи содружества власти и свободы можно сделать общими и распространить на многочисленные отношения между людьми, которые, по условиям жизни, развиваясь из простых и примитивных в более сложные формы, постоянно изменяются и принимают другой вид.

А посему власть и свобода, выполнявшие естественные функции в пределах своих сфер, распространялись, соперничали, боролись, смешивались и вступали в странные комбинации, образуя грубые и жестокие ткани первоначальных форм организованного общества, в котором власть и свобода почти никогда не находились на надлежащем месте, и лишь в редких случаях выполняли свое назначение.

Покровительство тогда превратилось в господство; воспитание приняло характер жестокости и принуждения; свобода была обращена в привилегию и тиранию; общественное пользование вещами было заменено частной собственностью; последняя привела к бесконечному накоплению богатств и монополии с соответственным ограблением слабого, лишенного собственности и превращенного в раба.

В этой первой великой борьбе, как можно предполагать, обладавшие властью, благодаря опыту, силе и таланту, превосходили, как воины, отстаивавших свою свободу, но оказавшихся еще недостаточно развитыми, сильными и опытными, и поэтому авторитарии победили, и с доисторических дней до настоящего времени являются господами положения. Этот хотя и долгий промежуток времени является все еще только начальной ступенью развития на пути создания более гуманной, достойной людей, жизни, о которой всегда говорили лучшие мыслители и пророки.

Поэтому буржуазные защитники современной «прекрасной» системы ничем особенным не могут гордиться, кроме разве чрезмерной разорительности и дряхлости капиталистического строя. Они все еще являются достойными прямыми наследниками пещерных жителей.

Подобно дикарям, они бьют своих противников по голове, как это делали

дикари; они усовершенствовали инструменты взаимного истребления и способы удержания в рабстве и покорности (именуют своих рабов гражданами и даже товарищами) путем устрашения, чтобы принудить их к повиновению.

К таким результатам приводит эволюция, когда свобода систематически подавляется и власть порождает уродливые явления. Пройден ли уже крайний предел и что нас еще может ожидать впереди, — трудно предсказать.

Отвратив взор от этого неутешительного зрелища, остановимся на истории свободы, оттесняемой на задний план, преследуемой жестокой властью, но никогда до конца неискоренимой, никогда не признающей себя побежденной, всегда храбро пробирающейся вперед.

Изгнанная из общественной жизни и лишенная доступа к богатствам земли, захваченных монополистами, свобода жила в индивидуумах, в частной жизни, в чувствах, а временами в действиях анонимных коллективов; ее сфера — интеллект и чувства, мысль и действие. Ее результаты — общественность и взаимопомощь, прогресс просвещения, опыт, изыскания и наука, этика и человеческое достоинство в поведении, иногда восстание против власти и ощутимый подрыв ее авторитета.

Жизнь, которая была бы невыносимой в адском водовороте власти, какой она становится в странах слишком деспотических, лишенных свободного дыхания, подобно фашистской Италии, или большевистской России, — всем обязана свободе. Идет ли речь об облегчении давящего бремени, ограничении власти и монополии, смягчении жестокостей власти, гуманизации властителей и управляемых, всякий прогресс науки и применения ее в практической жизни, словом, — всем в жизни мы обязаны свободе.

Поскольку работа интеллекта, являющегося существенным фактором опыта, изыскания и положительных успешных результатов зависит от условий свободы, и поскольку широкое применение этих результатов тоже находится в зависимости от степени условий, от наиболее благоприятных условий, сводящихся к уменьшению препятствий, т. е. наибольшей свободы, — то становится очевидным, что свобода — самый существенный фактор в развитии человечества, и что власть, терпимая в условиях примитивного состояния людей, должна отойти в область предания, а в случае сопротивления, чего естественно можно ожидать, она должна быть свергнута. Ибо власть по своей природе — консервативный, непроизводительный, нетворческий фактор. Она может передавать приобретенный опыт, но не может сама увеличивать его. Это просто исполнительный орган, но не мыслящий. Она только способна повиноваться приказам или извращать их в неправильном направлении, ухудшая положение. Она подобна часовому, поставленному для охраны кучи дров и оставленному на этом месте в течение ста лет, не смененному новым часовым. Точно таким же образом столетние и более старые законы все еще давят нас.

В результате свободный человеческий интеллект, возникающий обычно

при очень затруднительных условиях, всегда должен проявлять себя в еще более несовершенной и трудной обстановке, вследствие чего человечество получает гораздо меньше пользы, нежели оно могло бы иметь при отсутствии ограничений и при наличии свободы.

Таким образом, власть является самым антиобщественным фактором, в то время как свобода — самым общественным фактором. И когда люди поймут это, то станут действовать соответственно. В этом понимании лежит непоколебимая и твердая надежда на постепенное создание условий, благоприятных для осуществления анархизма.

Антиобщественные элементы со временем исчезнут из жизни подобно тому, как это случилось с доисторическими гигантами — динозаврами. Точно также должен исчезнуть антиобщественный государственный организм и паразитический капиталистический строй, которые уступят место новому обществу, более уравновешенному, деятельному, гуманному и пригодному для жизни человечества.

Эта великая задача уничтожения грубой, ленивой, насильнической и развратной власти и замены ее подвижной, деятельной свободой составляет важную проблему прогрессивной эволюции человечества, и все люди и объединения их, представлявшие действительную ценность, во все времена стремились к ее разрешению самыми различными путями в каждой области, в то время как все господствующие и паразитствующие элементы, преследующие свои эгоистические, консервативные цели, страстно восставали и противодействовали всякими средствами, в числе которых умственное затемнение необразованных трудящихся масс всегда играло значительную роль.

Они принуждали эти темные массы служить власти, Богу, королям и его начальникам и создавали культ преклонения перед ними, который Этьен де ла Бойль в XIV столетии называл добровольным рабством (*servitude volontaire*), проникнутым духом не только обреченности и фатализма, но самовнушения внутренней правильности, заключающейся в подчинении и послушании, духом, который в английском языке несколько поколений назад породил приобретший права гражданства термин «лучших классов» и им стали обозначать богатых людей, буржуазию в отличие от «каналей», простого народа: как будто бы эти два разряда людей возникли «по воле Бога».

Сопrotивление и восстание против уродующей властнической системы должно быть поэтому всеобъемлющим, охватывающим интеллектуальную, социальную, политическую, моральную и все другие области жизни, ибо все это было и остается извращенным и искаженным влиянием власти в интересах сохранения привилегий и монополии. Все это требует всеобщей борьбы за освобождение, которая должна быть исчерпывающей, затрагивающей интеллект, быт, политику, пол, мораль, этику, искусство и т.д. Все эти области имеют свои собственные темпы, методы, хронологию и местные условия развития, но вместе с тем являются частью огромного общего усилия, и это общее уси-

лие, призыв к гигантской борьбе суть нынешняя и будущая борьба за полное освобождение, за свободное или, как мы называем его, анархическое общество. Следует уяснить себе, что мы ценим каждое отдельное, частичное усилие, являющееся частью этого общего усилия, но мы понимаем, что только общим усилием можно достигнуть подлинного освобождения, частными же усилиями его невозможно осуществить.

Мы безгранично ценим свободомыслие. Но само по себе оно не спасение: буржуазия и либералы восстают против социального и политического освобождения точно так же, как и клерикалы.

Мы высоко ценим известную степень политической свободы, но мы считаем, что низведение государственного вмешательства до минимума и даже осуществление идей Герберта Спенсера, нисколько не помешает государству, даже с ограниченной властью, защищать собственность, оставаться непримиримым врагом социализма и мешать его осуществлению.

И опять—таки, мы ценим всякую работу на пользу социализма, но вместе с тем мы не можем не видеть, что авторитарные формы социализма, осуществляемые в виде государственных социалистических реформ, или посредством большевистской диктатуры, не приносят свободы народу, превращают всех, кроме самих диктаторов, не только в несчастных людей, но и обрекают еще на большую нужду и страдания, благодаря неизбежной некомпетентности искусственно созданного аппарата диктатуры.

Поэтому, подобные частные социальные завоевания, сами по себе желательные, как всякое освободительное усилие, являются начальными, отрывочными стадиями освободительного движения, и могут быть уничтожены опять, если они останутся изолированными. Либеральные движения, как бы они ни казались симпатичными, остаются неподвижными вследствие того, что либералы расходятся во мнениях, и очень редко выступают коллективно для достижения целей, ведущих на путь свободы. И опять—таки, либералы, радикалы и свободомыслящие могут оставаться яркими противниками социализма, не стремящимися в этом направлении.

Точно также социалисты, слепо приемлющие государство и отвращающиеся от анархизма, в равной мере попали в тупик реформистского сотрудничества и большевистской диктатуры, осуществляемой правящим меньшинством с помощью бюрократии, армии, тайной и явной полиции.

Все это показывает бесплодность подобных частных завоеваний, если сторонники их не считаются, отвергают или разрушают солидарность и другие усилия, направленные к освобождению. Это всегда понимали подлинные анархисты, и бакунинский федерализм, социализм и антитеологизм, впоследствии получивший выражение в атеизме, анархизме и коллективизме, был принят антигосударственниками в Интернационале, ибо они понимали неразрывность связи интеллектуального, политического и социального освобождения, куда также входят другие области, упомянутые выше. Только подобный, полный

социализм заслуживает внимания, в то время как социализм в укороченном виде, хотя и ценный элемент, но не может быть здоровым организмом, подобно тому, как одна рука, одна нога, которой искалеченный человек может обладать, хотя и представляют сами по себе известную ценность, — ибо лучше иметь одну руку или ногу, нежели ни одной, — но, тем не менее, этот бедный человек все-таки остается калекой.

Прийти к пониманию этого, может быть, несколько затруднительно, и поэтому число социалистов свободомыслящих неизбежно значительно меньше, нежели социалистов, не признающих свободы и не ценящих свободомыслия. Но по мере увеличения числа социалистов со свободными взглядами, анархисты должны усиливать свою активность, должны взять правильный курс и употреблять свою энергию самым благоразумным образом. Для получения же лучших результатов необходимо произвести переоценку ценностей и избавиться от некоторых иллюзий, представляющихся анахронизмом в наши дни.

Со времени французской и американской революций, а также восстаний и революций XVI и XVII столетий (бунты германских крестьян, Нидерланды, Англия и т.д.), обнаружилось возможности массовых движений в пользу коренных перемен. Социализм становится душой этих движений, оказывает влияние на умы, организацию, воодушевляет на борьбу, толкает на заговоры, побуждает к опытам общественного строительства, словом, — играет роль могущественного универсального фактора, победоносного и способного осуществить ту или иную форму благодетельного социализма.

В век Вашингтона и Мирабо, Дантона и Наполеона верили в подобные всепобеждающие возможности в соответствии с личными настроениями и наклонностями. Выдающиеся социалистические мыслители считали упомянутые выше мотивы движения несокрушимыми импульсами, толкающими на штурм капиталистической системы, приводящими к исчезновению капитализма после удачного социалистического опыта (Фурье, Роберт Оуэн), или они создавали планы насильственного свержения капитализма (Маркс). Они верили в сокрушающие революционные силы пробуждающегося народа (Бакунин); в разумность принципов равного обмена и справедливых договоров (Джошиа Уоррен, Прудон) и т. д.

Рабочие, казалось, были склонны к созданию организаций в большом масштабе (тред-юнионы), и в самом деле независимо от социалистического движения, были принуждены к этому, чтобы защитить свое физическое существование, которому угрожала фабричная система в первоначальный свой период накопления, пожиравшая мужчин, женщин и детей на фабриках, подобно тому, как фабричные печи поглощали уголь.

Рабочие, также казалось, были склонны к коллективному политическому и социальному действию (чартизм), и скоро вошло в обычай организовать группы рабочих избирателей в тех случаях, когда они пользовались избирательным

правом, посылать своих представителей в избирательные учреждения и т.д.

Все это породило разнообразие социалистической критики, планов, систем, тактик и опытов, а также постоянные столкновения, соревнование, взаимное отрицание и очень серьезную вражду между школами социалистической мысли. К этому времени наука только начала освобождаться от подобного состояния нетерпимости, непрекращающейся войны и ссоры, установила критерий для объективной оценки научной работы, и среди ученых все более популярной становилась идея дружественного сотрудничества.

С другой стороны, века религиозных войн, взаимной ненависти, насаждаемой государством, порождаемой ожесточенными войнами, политическим фанатизмом самых разнообразных оттенков во имя сохранения власти, предшествуют периоду более братских отношений, в которых находят воодушевление более ранние поколения социалистов. Все социалисты были нетерпимы, подобно проповедникам двух сект, подобно воинственным филологам XVII столетия, подобно деятелям Французской Революции, посылавшим своих оппонентов под нож гильотины, и эта нетерпимость превращалась у них в священную обязанность; терпимость, по их понятиям, равносильна снисходительности, а это в свою очередь — измена.

При подобных условиях, — как это проглядывает из каждой детали при ознакомлении с ранней социалистической литературой и как это с большей яркостью выявляется при тщательном историческом исследовании, — началась столетняя социалистическая война между конкурирующими социалистическими течениями, все еще продолжающаяся и конца которой все еще не видать. К великому сожалению, приходится констатировать, что эта междоусобица, в начале выливавшаяся в форму полемики и словесных сражений, в настоящее время приняла вид далеко не безобидный после того, как борющиеся стороны стали прибегать к способам борьбы, практикуемым в России с осени 1917 года, угрожающим всем другим странам, где власть может очутиться в руках враждующих фракций, каждая из которых претендует на выразителя подлинного вида социализма.

Социализм проникнут до такой степени принципом власти, что не терпит «инога Бога», кроме себя, и что каждая фракция несомненно верит в возможность и необходимость навязывания всем своих мнений. А коль скоро это так, то считается не имеющим особенного значения, — навязываются ли эти мнения посредством убеждения или же насильственно. Возмутительным в данном случае надо признать самую мысль навязать человечеству одну общую систему добровольно или посредством насилия.

Фанатизм (подобно патриотизму), мода (апеллирующая к атавистическим инстинктивным желаниям), реклама (употребление всяких хитрых фокусов) могут вызвать взрыв массового энтузиазма; но социализм, — мы все в этом согласны, — стоит на более высокой ступени и требует сознательного восприятия человеком для того, чтобы иметь подлинную ценность и успех.

В равной степени очевидно, что общественным мнением, большинством и т.д. нельзя разрешить вопроса о достоинствах того или иного дела; что в настоящее время нельзя предвидеть развития будущих событий или старых систем; что изоляция — причина слабости во всякой области, — не может быть признана за силу в какой-нибудь системе, которая могла бы добиться успеха нечистыми средствами, уничтожить все другие системы и затем занять преобладающее, хотя и изолированное, положение диктатора.

Короче говоря, эта нетерпимость парализует и разрушает социализм и всегда приводила к подобным последствиям. Более того, это напоминает сизифов труд: марксизм сделал все возможное для того, чтобы разрушить всякие иные формы социализма, и с начала и до конца рука Маркса поднималась против всех других социалистов и анархистов.

Подобная деятельность порождала раскол за расколом (кроме анархистов, выступивших на самостоятельный путь), обескровила социализм и разогнала социалистов (конечно только на бумаге в те отдаленные времена). Что же последовало? Социализм раздробился на кусочки (Бернштейн и Каутский, Плеханов и Ленин, реформисты, соглашатели, социал-предатели, большевики — правые и левые, троцкисты — чего только нет!?) . . .

Все это также является предостережением для тех анархистов, которые нуждаются в нем. Мы являемся счастливыми обладателями прекрасных толкований анархизма и представлений о его будущих внутренних построениях, о том, каким образом он сможет превозмочь препятствия и быть осуществлен, которые изложены в произведениях знаменитых, авторов, в большинстве случаев очень воинственных наших товарищей — Годвина, Уоррена, Прудона, Макса Штирнера, Элизе Реклю, Бакунина, Джеймса Гильома, Цезаря де Папа, Малатесты, Кропоткина, Рикардо Мелла, Вольтерины де Клэйр, Густава Лэндауэра, Жан Грера, Себастьяна Фора, Пьетро Гори, Луиджи Галлеани, Луиджи Бертони, Иоганна Моста, Александра Беркмана, Эммы Гольдман, Льва Черного, Карелина и т.д., не считая Льва Толстого и других, симпатизирующих безгосударственности. Этот список мог бы быть продолжен неограниченно путем включения тех, кто занимает независимые позиции во время обсуждения анархических проблем и прибавляет новые ценности своими изысканиями, которых можно было бы окрестить названием интеллектуальных спорщиков об анархизме. Кроме того, каждый независимый товарищ имеет свое собственное суждение по вопросам, хорошо ему известным, или составляющим предмет его особого внимания.

Может ли кто-либо претендовать на то, что все эти последователи анархизма сходятся на какой-нибудь одной доктрине? Очевидно, — нет. Возможно ли представить, чтобы они отвергали друг друга до такой степени, что один из них или родственная группа механически выйдет победителем, как это случается на гонках, когда победа достается тому, кто первым прибежит к столбу.

Не может быть сомнений в том, что чепуха и второстепенные вещи не идут в счет, и я упомянул здесь самые лучшие имена, которые и до сего дня вспоминаются с уважением. Утрачивают ли ценность произведения Прудона потому, что Кропоткин не соглашается с ним? Надо ли считать индивидуализм ошибочным только потому, что некоторые имеют неправильное представление или не любят личность Макса Штирнера? Заблуждаются ли коммунисты только потому, что коллективисты восстают против коммунизма? И было ли когда-либо достигнуто общее мнение путем соглашения относительно всех этих вопросов? Каждое подобное утверждение может быть оспорено, и каждое или большинство из ранних мнений все еще дебатировались товарищами и вырабатываются новые понятия.

И надо почесть за счастье, что мы являемся обладателями этого богатства и разнообразия, и что это одно достаточно для того, чтобы убедить нас в благотворности свободной игры многообразия в будущем анархическом обществе, где все, теперь дремлющие, силы пробудятся и станут творить собственную жизнь не по указке какой-нибудь теории. Что сулит будущее, что может принести нам завтрашний день, — нельзя представить, и эти неожиданности можно лучше всего встретить, подготовившись ко всему возможному в пределах разумного. В противном случае, нам придется оставаться рабами доктрины и плодить интеллектуальных диктаторов.

Еще сорок лет это понимали назад наши товарищи, преимущественно в Испании, предлагавшие тогда анархизм без экономического эпитета (представляющего экономическую гипотезу), анархизм — чистый и простой, но их пример и совет был отвергнут, ибо каждый был убежден в правоте своих воздвигаемых убеждений, и придавал исключительную ценность той или иной гипотезе: индивидуализму, коллективизму или коммунизму.

Подобный вопрос ставился на обсуждение, после его возникновения в Испании, неоднократно и еще до сего времени не получил разрешения. Я усматриваю признак приближения к его разрешению в недавней Декларации принципов Американской Континентальной Ассоциации Рабочих, принятой на континентальном конгрессе, состоявшемся в Буэнос-Айресе в мае месяце, на котором было представлено большинство латинских стран, гласящей:

«... Не определяя специальной формы организации будущих экономических отношений, Американская Континентальная Ассоциация Рабочих рекомендует коммунизм в качестве условия, обещающего наибольшую гарантию социального благополучия и индивидуальной свободы. Что касается уничтожения государства, то в Декларации говорится, что Ассоциация требует свободного и равного общества, т. е. анархического общественного устройства».

Итак, Декларация требует уничтожения признанного зла (государства), она рекомендует экономическую форму, гипотетически, представляющуюся лучшей. Это правильный подход к делу, и я надеюсь, что этот пример — результат серьезной работы мысли, — встретит поддержку. Мы только можем рекомен-

довать, мы никогда не должны прокламировать, декретировать, диктовать.

Поскольку мы признаем, что не должно и не может быть гегемонии доктрины, исключаящей все другие, в области социализма и анархизма, постольку мы также должны признавать тот факт с вытекающими из него последствиями, а именно, — что в ходе и после революции, в реорганизованном обществе, существующие различные социалистические и анархические мнения не исчезнут и будут стремиться найти соответственное применение, надо считать несбыточной надеждой то, что подобные различия исчезнут подобно утренней росе при восходе солнца. Опыт показывает, что в случае их исчезновения в периоды общего возбуждения они опять наверняка проявляются на следующий день и, что всего вероятнее, — вступят в ожесточенную борьбу с применением насильственных средств. Мы не можем уклониться от этой проблемы, ибо социальные перемены вызываются множеством причин на всех стадиях авторитарного и либертарного развития, и что не избежать самой отчаянной борьбы за право на существование между ними, если своевременно не будет достигнуто соглашение о взаимной помощи. А так как время не поспевает за выдвигаемыми задачами и переменами в настроениях, то трудности разрешения затронутого вопроса представляют огромные размеры. Ибо эта работа пренебрегалась веками. Каждый всегда восхвалял свою собственную доктрину или школу, как единственно правильную. И результаты известны. . .

Теперь поле деятельности изобилует конкурентами. В 1917 году, когда, казалось, наступило торжество социализма, разразилась катастрофа, поразившая и уничтожившая слабые фракции, которая оказалась более губительной для жизни социалистов, нежели зловещая Ходынка во время коронации последнего царя. И пусть это будет последним большевизмом, коронованным на костях бесчисленных жертв! Но если мы все не возьмемся за работу, то можно ожидать нового повторения этих социалистических катастроф, когда победившая фракция сокрушит все другие, народ окажется несчастным, и кто может представить себе конец подобной авантюры?

Все это результат социалистических настроений, возвышенных и благородных самих по себе, комбинируемых с авторитарной волей и авторитарным умонастроением. И если в анархических настроениях совместить подобное самосознание, нетерпимость и волю к навязыванию единой системы, — то результат получается тот же самый. Те, кто не могут понять этого, являются поверхностными анархистами и государственниками с головы до ног. Наши пути расходятся, и их дорога ведет назад, во властнический стан.

Если из этих замечаний могут быть сделаны какие-либо практические выводы, то они, по моему мнению, вкратце представляются в следующем виде:

Свобода является отражением высшей и позднейшей стадии развития человечества, нежели власть, подобно тому, как взрослый человек представляет высшую ступень развития и превосходства, нежели беспомощный ребенок. И поэтому, между ними примирение и союз невозможны. Возможно только со-

жительность, рядом друг с другом, на принципе невмешательства, нарушаемое временами переменной борьбой. Это относительное сожительство существует даже в наше время, хотя и в искаженных формах в тех случаях, когда утихают преследования и систематическое массовое подавление свободы (фашизм, большевизм) не преобладает. До тех пор, пока власть не исчезнет или не будет ослаблена в умах людей, где она глубоко укоренилась, нельзя ожидать перемен к лучшему.

Тем временем, надо использовать всякие оттенки и проблески либертарной, либеральной, гуманитарной и социальной мысли и импульсов, чтобы подорвать авторитет власти. Это значит, что мы, анархисты, не должны работать только для анархизма вообще, или только в интересах известного анархического течения, но должны вступать в широкие отношения со всеми либералами, неавторитариями, свободомыслящими повсюду и делать попытки зажечь любовь и стремление к свободе в широком смысле.

Мы не должны искать извинительных причин нашей бездеятельности в неполном, временами недостаточном, ошибочном по нашему мнению стремлении других к той или иной форме свободы. Мы должны помнить, что наша солидарность с нынешними требованиями рабочих и их недовольством, со всяким антикапиталистическим рабочим движением, хотя бы авторитарным, приводит нас к постоянному кооперированию, практике солидарности с рабочими и рабочими-социалистами — ярыми врагами анархической свободы, или несколько не интересующимися нашими стремлениями. И тем не менее, мы остаемся солидарны с ними, поскольку они ведут себя вызывающе в отношении капитализма, или нападают на него. Мы обязаны точно такой же степенью солидарности каждому либеральному движению, ибо таковое является актом сопротивления или подрыва власти, государства, моральных предрассудков, рабства и рабской психологии.

Индивидуально, несомненно, многие анархисты уже теперь делают очень многое в этом направлении, расширяют сферу своей деятельности и помогают делу свободы. Но другие тщательно избегают этой работы, они парят в заоблачных, недоступных высях, в прекрасном одиночестве, в незапятнанных белых одеждах позируют в роли праведников, как будто их миссия состоит в том, чтобы оставаться безупречными святыми, подобно анахоретам в пустыне, которые восседали на высоких каменных столбах или замуровывали себя в кельи, чтобы избежать всякого общения с грешной жизнью. Или же, группа заменяет личное отчуждение, подобно тому, как социальная жизнь монастыря заменяет узкую келию отшельника. В раннюю эпоху христианства более искренно убежденные христиане расточали свои жизни в затворничестве, вследствие чего вся их церковь попала в руки жуликоватых христианских торгашей. И мы видим, что социальные движения подобным же образом попадают в руки плутоватых профессионалов, ибо лучшие элементы очень часто уходят из движения.

Если бы анархисты всех оттенков и симпатизирующие анархизму, сознающие свою ответственность по отношению к великому делу свободы, одолеваемые в наше время врагами–государственниками, углубили свое уважение к свободе практикой взаимной терпимости, расширили свой кругозор, вступили в благотворный контакт со всяким либертарным движением, хотя бы слабым и неполным, они возбудили бы симпатии людей к свободе и своему учению, которое, надлежащим образом представленное и распространенное, является самой полной и совершенной формой социализма. И тогда анархическое учение, очень малоизвестное в настоящее время, вызвало бы интерес и симпатии и стало бы серьезным фактором. Государственники же, теперь играющие большую роль в обществе, благодаря незначительному влиянию либертарных идей, с усилением последних, станут терять поддержку тех, которые тащат повозку власти только потому, что в настоящее время очень мало делается для распространения идей свободы.

Подобная работа должна быть предпринята нами по собственному побуждению. Нет смысла бездействовать из года в год ожидать возмущения воды. В данном случае мы сами представляем живую силу, которая может и должна возмутить воду. Будем надеяться, что в скором времени будут предприняты энергичные шаги в этом направлении: положение и без того плохо, чтобы позволить ему ухудшаться.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

26 ноября 2012

Макс Неттлау

Власть и свобода и их вековечная борьба

1929

Опубликовано в сборнике «Очерки по истории анархических идей», Детройт, 1951

Сохранено 25 ноября 2012г. из **fibusta.net**